

И. С. ДУЙЧЕВ

Обзор болгарских работ 1945—1958 гг. по изучению древнерусской литературы и русско-болгарских литературных связей XI—XVII вв.*

Ввиду ограниченного числа исследователей древней славянской литературы и истории древняя русская литература никогда не была предметом полного и специального изучения со стороны болгарских ученых. Несмотря на это, в научной и научно-популярной болгарской литературе, особенно в последние годы, можно было бы указать на целый ряд опытов изучения памятников древней русской литературы. Некоторые наиболее значительные произведения, естественно, привлекали внимание болгарских ученых.

В ряде случаев изучение отдельных проблем древнеболгарской литературы неизбежно приводило к изучению древнерусских книжных памятников. Однако значительное число подобных исследований является лишь дополнением к изучению древнеславянской и древнеболгарской литературы.¹ Полного обзора истории древнерусской литературы в Болгарии не существует. Отдельные работы касаются только известных памятников или же являются попыткой выяснить некоторые моменты в развитии древнерусской литературы. Полезные результаты получены в объяснении русско-болгарских литературных связей эпохи средневековья и начального периода нового времени.

Исследования болгарскими учеными древнерусской литературы и ранних русско-болгарских литературных связей заслуживают внимания: некоторые из них действительно вносят нечто новое, другие просто отражают особый интерес к памятникам древней русской литературы.

1. В связи с 900-летием Остромирова евангелия Н. М. Дылевский опубликовал краткую научно-популярную статью,² в которой изложил некоторые полезные сведения из истории этого важного памятника письменности. По его словам, Остромирово евангелие принадлежит почти в одинаковой степени двум родственным славянским народам — болгарскому и русскому и является красноречивым свидетельством культурных связей между ними еще в самом начале их исторического бытия. Будучи переписано с болгарского (Преславского) оригинала, Остромирово евангелие отразило воздействие кирилло-мефодиевской письменности на древнерусскую книжность XI в.

* Перевод с болгарского О. Ф. Коноваловой. (Ред.).

¹ См.: Ив. Дуйчев. Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 601—614.

² Н. М. Дилевски. Бежежит паметник на старата руска и българска писменост. — Духовна култура, XXXVII, 7, 1957, стр. 4—10.

В статье Н. М. Дылевского особенно ценны и интересны сведения об использовании Остромирова евангелия представителями болгарского Возрождения в их борьбе за разрешение вопросов болгарской орфографии. Так, об Остромировом евангелии говорили и В. Априлов в 1841 и 1847 гг., Ив. Н. Момчилов в 1847 и 1865 гг., Г. Крестевич в 1858 г., Г. С. Раковский в 1858—1859 гг. (последний имел издание Востокова 1843 г.), позднее, в 1875 г., появились заметки болгарского писателя и революционера Л. Каравелова. Этот перечень имен можно было бы увеличить. Например, в 1852 г. один из болгарских ученых С. Н. Палаузов (Век болгарского царя Симеона. СПб, 1852, стр. 72 и прим. 51) также упоминает издание Востокова и отмечает (стр. 136—137), что Остромирово евангелие следует поставить на первое место среди сохранившихся евангельских текстов.

С. Н. Палаузов, давая отрывки из Остромирова евангелия, сопоставляет их с греческим оригиналом и с болгарским переводом в списке так наз. Асеманова евангелия. К этим своим заметкам болгарский писатель добавляет (стр. 137, прим. 151) еще и характеристику месящеслова к Остромирову евангелию: «Считаем не лишним отметить, что кроме памяти о Кирилле и Мефодии, упоминаемых в календаре этого евангелия, находится также под 27 июля, по евангелию 2 сентября „память [с]в[е]таго [с]вети[t]eл[ь] о[t]ца нашего Климента еп[и]ск[о]па Величскаго“». Наконец, С. Н. Палаузов приводит отрывок из Остромирова евангелия и добавляет некоторые сведения об этом памятнике (стр. 154—155).

Остромирову евангелию посвящена еще одна статья Н. М. Дылевского, в которой, наряду с точными библиографическими указаниями на соответствующую научную литературу,³ даны общие сведения о памятнике, указания на издания и исследования его, анализ текста с точки зрения языка. Н. М. Дылевский отмечает отклонения переписчика от языка древнеболгарского образца, при этом присоединяется к объяснению Н. Каринского (1903), что эти отклонения, вероятно, связаны с церковным произношением старославянских богослужебных текстов.

2. Одним из памятников древнерусской литературы, к которому всегда с особым вниманием и интересом относились болгарские исследователи, является «Слово о полку Игореве». Как в более ранней болгарской научной литературе, так и в более поздние годы этому чрезвычайно важному памятнику русской литературы посвящен целый ряд отдельных исследований, статей и заметок. Сюда относится в первую очередь перевод «Слова о полку Игореве», принадлежащий Л. Стоянову и опубликованный в 1954 г.⁴ Снабженное богатыми оригинальными иллюстрациями, выполненными художником Георгием Поповым, это издание само по себе представляет важный вклад в болгарскую научную литературу.

Акад. Людмил Стоянов во вступительной статье (стр. 5—14) «Бележита национална поема» подчеркнул большое значение «Слова о полку Игореве», как важного памятника древней русской литературы. Автор указывает на историзм этого произведения: в его основе лежит действительное историческое событие. Вместе с тем акад. Л. Стоянов говорит, что автор «Слова» принадлежит к наиболее образованным людям своего времени. Он пишет о «любви к русской природе», добавляя, что за этим чувствуется широкое море русского народа, его радости и горести. В стихах

³ Н. М. Дилевски. Бележит паметник на старата руска литература. — Български език (далее: БЕ), VII. 3. 1957, стр. 216—227.

⁴ Песен за похода на Игор. Изд. на Българската Академия на науките (далее: БАН). Институт за Българска литература (далее: ИБЛ). София, 1954. 140 (1) стр.

«Слова» звучит протест против княжеских междоусобиц, против раздробления Русского государства, а вместе с тем и призыв к объединению Русской земли. По словам Л. Стоянова «Слово» как литературное произведение поражает своей оригинальной художественной формой. Опубликование на болгарском языке этой замечательной русской национальной поэмы нужно считать, кроме того, «выполнением долга перед русским народом и русской литературой».

Л. Стоянов, один из видных представителей современной болгарской литературы, дает художественный и одновременно точный перевод «Слова». С полным правом можно сказать, что среди всех существовавших до сих пор болгарских переводов «Слова» — это поистине лучший, самый точный, самый полный перевод. К изданию перевода приложен древнерусский текст, взятый из последних критических изданий памятника.

В том же издании Н. М. Дылевский (стр. 75—99) опубликовал чрезвычайно интересную и полезную статью: «„Слово о полку Игореве“ — героична поема на старата руска литература». В статье приводятся данные об истории рукописи текста, о первых изданиях и о гибели самой рукописи. Имеются сведения о влиянии «Слова» на русскую литературу, об оценках и сомнениях некоторых иностранных ученых относительно подлинности памятника, причем автор полностью отвергает эти сомнения. На нескольких страницах Н. М. Дылевский нарисовал историческую обстановку, в которой возникло «Слово». Это произведение, подчеркивает автор статьи, — плод эпохи княжеских распрей, разгоревшихся особенно сильно во второй половине XII в., и является горячим призывом к объединению для защиты Русской земли от нападения половцев. Исходя из исторического события, неизвестный автор «Слова» разрешает свою задачу свободно и творчески. Чтобы показать это, Н. М. Дылевский проанализировал композиционное построение поэмы и сравнил содержание «Слова» с летописными сообщениями о событиях 1185 г. Интересна мысль автора о том, что в «Слове о полку Игореве» имеется не столько отражение средневековой мистики, сколько изложение исторических событий в поэтической форме. Характеризуя изобразительные средства «Слова», Н. М. Дылевский подчеркивает влияние устной народной поэзии и традиции более древней русской литературы. Особый интерес представляют в «Слове» следы языческой мифологии. По словам автора, во многих частях произведения единство между содержанием и формой доведено до совершенства. «Слово о полку Игореве» обладает своеобразным ритмическим строем, хотя трудно установить в нем единую ритмическую систему определенного типа.

В решении вопроса об авторе «Слова» Н. М. Дылевский ограничивается повторением точки зрения Д. С. Лихачева («Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. М.—Л., 1950, стр. 51): автором «Слова» был приближенный киевского князя Святослава, черниговец или киевлянин, может быть княжеский дружинник, который, однако, в своих политических воззрениях не был ни придворным, ни защитником местных тенденций, ни дружинником. Он занимал независимую патриотическую позицию, по духу своему близкую широким слоям трудового населения Руси.

В краткой статье Б. Ст. Ангелова (стр. 101—109) рассматривается вопрос об изучении «Слова о полку Игореве» в Болгарии. Он напоминает первое сообщение о «Слове» в Цареградском вестнике (№ 13, от 27 III 1848), стихотворный перевод Райко Жинзифова 1863 г., затем тонкую критику Л. Каравелова (Българска пчела, II, №№ 3—6, от 1864 г.). Здесь же даны оценки переводов Ив. Добрева в 1886—1887 гг., Ефрема

Каранова от 1898 г. и Б. Липовского (псевдоним Николя Василюва) 1907 г. Как заявляет автор, эти переводы близки к русскому оригиналу и с помощью «стихов в прозе» сравнительно хорошо передают поэтические достоинства «Слова». В конце статьи автор называет различные стихотворные и прозаические переводы отрывков из «Слова», например Хр. Кисякова 1889 г., Детелинова 1884—1885 гг.

Особый интерес представляет последняя статья в сборнике, написанная Н. М. Дылевским (стр. 111—139), — «Бележки към Песен за похода на Игоря». Эти заметки к тексту «Слова» содержат ряд новых толкований, предлагают некоторые параллели из южнославянской, и в частности болгарской, народной поэзии и, наконец, дают полезные библиографические указания. Обобщая, мы можем сказать, что автор этих комментариев действительно дал удачные объяснения некоторых «темных мест» в «Слове о полку Игореве». Однако следует заметить, что этот комментарий может быть дополнен новыми замечаниями, в частности одним общим. Не каждый читатель-болгарин поймет племенное обозначение «половцы», которое, в сущности, неизвестно широко среди болгар, не встречается часто ни в старой, ни в новой болгарской литературе. Необходимо заметить, что половцы, как правильно сообщает Н. М. Дылевский (стр. 79, прим. 1), известны под наименованием «куманы» и в византийских и в болгарских исторических сочинениях. Некоторая синхронизация событий «Слова» с событиями в болгарских землях, в которых участвовали куманские дружины, по-новому бы раскрыла их перед болгарским читателем. Достаточно упомянуть хотя бы то, что в год похода Игоря и победы половцев, куманские дружины помогают в Болгарии братьям Петру и Асеню в проведении восстаний против византийского господства,⁵ что в течение следующих лет куманские дружины действовали как наемники и союзники Петра и Асеня, что куманская дружина помогала болгарскому войску в сражении против цареградских латинян при Одрине 14 апреля 1205 г., завершившемся разгромом крестоносцев и пленением императора Балдуина Фландрского. И позднее, в XIII—XIV вв., царствующие на болгарском престоле три династии тесно связаны по происхождению с куманами. Все это может в сознании болгарского читателя объяснить и дополнить множество представлений и сведений. То, что болгарин знает о положительной и отрицательной роли куманов в средневековой болгарской истории, связанной с именами Асеней, Тертериев и Шишманов, так же как и с именами отдельных воевод из болгарского прошлого, немедленно оживет в памяти читателя и произведет более сильное впечатление. Пока же слово «половцы» означает для нашего читателя название чуждого, неизвестного народа. Средневековая болгарская историография, современная болгарская историография и близкая нам византийская историческая традиция неизменно говорят о существовании этих половцев под широко известным именем куманов.

Другая связь между болгарским прошлым и русской исторической действительностью, отразившаяся в «Слове», обнаруживается в употреблении имени Боян.

Как известно, в византийских исторических источниках⁶ это имя монгольского происхождения встречается в написании Βαϊανός. Так читается

⁵ Подробности см. у Ив. Дуйчева: Въстанието в 1185 г. и неговата хронология. — Известия на Института за българска история (далее: ИИБИ), VI, 1956, стр. 327—358; Ив. Дуйчев. La date de la révolte des Asénides. — Byzantinoslavica, XIII, 1952—1953, стр. 227—232.

⁶ См. указания у G. Moravcsik (Byzantinoturcica. II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1958, стр. 83, 84).

оно и в сочинении епископа Лиутпранда Кремонского.⁷ В «Слове» употребляется форма «Боян», встречающаяся и в современной болгарской ономастике. Однако необходимо, по нашему мнению, объяснить само появление этой славянской формы под воздействием известного славянского языкового закона, по которому краткое неударное «я» переходит в словах иностранного происхождения в «о», что отразилось во множестве древнерусских, современных русских, болгарских и чешских имен и слов и т. п.⁸

Небезынтересно отметить подобную форму в самом тексте «Слова», а именно форму «Троян», которая встречается в болгарском и сербском языках и которая соответствует латинской форме Traianus или византийской Τραιανός.

К написанию названия «куманы» в византийских и болгарских исторических источниках, о которых упомянул Н. М. Дылевский (стр. 113), не лишним было бы прибавить указание источников и предложенные толкования Моравчика.⁹

Об упоминании в «Слове» «Синий Дон» (ср.: Н. М. Дылевский, стр. 114) было бы полезно сказать, что болгары обычно называют Синим морем («Синьо море») Адриатическое море.

В связи с названием Тьмутаракань (см.: Н. М. Дылевский, стр. 119) следует указать на статью известного югославского историка В. Мошина.¹⁰

Несомненный интерес представляет упоминание «чръленой чолки», которую Н. М. Дылевский (стр. 120) правильно объясняет как турецкое название для конского хвоста, прикрепленного к шесту. Необходимо также дать более подробные сведения о том виде знамен, который назван болгарями в 866 г. в знаменитом сочинении «Responsa Nicolai I pape ad consulta Vulgarorum»; такие же упоминания встречаются в древнерусских литературных памятниках (например, в Лаврентьевской летописи); наконец, изображение этого вида военного знамени имеется в болгарских миниатюрах Хроники Манассии, где войска киевского князя Святослава при нашествии на болгарские земли изображены с подобным знаменем. Исходя из сказанного, можно поставить вопрос: следует ли употребление такого рода знамен связывать с тюркскими или со славянскими народами?¹¹

Объяснение аварских шлемов, данное Дылевским, нуждается в уточнении. По мнению Н. М. Дылевского, эти слова означают «шлемы, изготовленные аvaraми». Однако племя аваров было известно своими действиями в течение VI—VIII вв. и до начала IX в., когда последние остатки его были разгромлены Карлом Великим и болгарским ханом Крумом. Авары исчезли сравнительно рано, но оказали известное влияние на болгар и византийцев. Не полностью выяснен вопрос о существовании аварского населения вплоть до второй половины XII в. Таким образом, можно предположить, что упоминаемые в «Слове» аварские шлемы у половцев не должны быть обязательно шлемами, сделанными аvaraми, происходившими от древних или современных авар, живущих в Дагестане, а скорее были шлемами, сделанными по аварскому образцу.

⁷ Liutprandus. Antapodosis: MGH, SS, III: lib. III, gl. 29, 11—14: Baianus.

⁸ См. некоторые указания у Ив. Дуйчева (Осеновица-Асеновица. — Сборник в честь на акад. Ал. Теодоров-Балан, по случай деведесет и петата му годишнина. София, 1955, стр. 251—256).

⁹ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 167—168.

¹⁰ V. Mošin. Tmutarakanj, Krh i Smkrc. — Сборник в часть на В. Н. Златарски. София, 1925, стр. 157—162; кроме того, ср.: G. Moravcsik, Byzantinoturcica, II, стр. 297.

¹¹ См. подробности у Ив. Дуйчева: Славяно-болгарские древности IX-го века. — Byzantinoslavica, XI, 1950, стр. 25—27.

В вопросе о Канине (ср.: Н. М. Дылевский, стр. 122) заслуживает особого внимания мнение М. Фасмера,¹² который не знает славянского названия такого вида, но зато вспоминает местное „Κάνιανη“, толкование которого, однако, найти трудно.¹³ Вообще вопрос об этимологии этого имени все еще недостаточно выяснен.

В связи с именем «короля антов» Бооз, Бос или Бус (ср.: Н. М. Дылевский, стр. 127) необходимо припомнить сведения готского историка VI в. Йордана об антском первенце этого имени: «gegemque eorum Voz pomipe». Славист В. Розов¹⁴ 30 лет назад предложил убедительное толкование этого имени. По его мнению, здесь имелась латинская транскрипция византийского написания славянского титула «Вожь» или «Вождь». Это толкование, связанное как с выражением в «Слове» «время Бусово», так и с упоминанием «готьскыя красныя дѣвы», может объяснить интересные моменты в разрешении этих вопросов.¹⁵

Выражение «золотые шеломы и сулицы ляцкыи и щиты» (ср.: Н. М. Дылевский, стр. 132) едва ли можно толковать как намек на военную помощь, полученную от Польши, или как снабжение оружием из Польши.

На вопрос о седьмом веке, упомянутом в «Слове», правильно обратил внимание Н. М. Дылевский (стр. 133) и отметил, что его разрешение невозможно без привлечения византийских и южнославянских документов. Однако это уже самостоятельная задача.

Наконец, упоминание «хиновьскыя стрѣлки» (стр. 131, 136) не означает ли просто стрелы, доставленные из Китая?

В нескольких своих статьях Н. М. Дылевский занимался изучением отдельных, трудных для толкования мест «Слова о полку Игореве» или же давал общие сведения о «Слове». Полезную статью он опубликовал, например, в 1951 г., по случаю 150-летнего юбилея первого печатного издания этого литературного памятника.¹⁶

В другой своей статье он рассматривает вопрос о том, следует ли в тексте «Слова» читать «бусым волком» или «босым волком».¹⁷ В научной литературе имеются различные точки зрения относительно того или иного чтения этого загадочного текста. Н. М. Дылевский заключает: «...на поверку выходит, что до настоящего времени не было найдено, по крайней мере никто из комментаторов об этом не сообщает, ни единого примера, в котором слово „волк“ сопровождалось бы эпитетом „бусый“». Так автор приходит к мысли, что следует предпочесть чтение «босый», приводит некоторые новые соображения в пользу этого чтения (например: бос кон, бос като куче) и отмечает, что это чтение доказывает подлинность «Слова».

В приложении к статье даны сведения о гипотезе В. А. Гордлевского (Что такое босый волк? — ИЮЛЯ, т. VI. М., 1947, стр. 317—337).

¹² M. Vasmer. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.

¹³ Там же, стр. 116, № 26.

¹⁴ V. Rozov. Voz, гех Antorum. — Byzantinoslavica, I, 1929, стр. 208—209.

¹⁵ В качестве параллели можно вспомнить арабские данные конца IX—начала X в. об имени В-Сус, которое можно представить себе как написание имени Бориса (точнее, болгарского князя Бориса I—852—889 гг.) или как имя императора Василия I (см.: А. А. Васильев: Semin. Kondak, V, 1932, стр. 150 и сл.).

¹⁶ Н. Дилевски. «Слово о полку Игореве» — бележито произведение на старата руска литература. — Език и литература (далее: ЕЛ), VI, 3, 1951, стр. 151—158.

¹⁷ Н. Дилевски. «Бусым» или «босым» волком в «Слове о полку Игореве». — Известия на Камарата на народната култура, серия хуманитарни науки, IV, 1947, стр. 203—225.

В другой своей статье Н. М. Дылевский рассматривает выражения «ратаевъ кикахуть» и «а злата и сребра ни мало того потрепати».¹⁸ Автор считает, что чтение «кикахуть» необходимо понимать в смысле «кричать». Относительно второго спорного места в «Слове» Н. Дылевский заявляет, что чтение «а злата и сребра ни мало того потрепати» как «а златотканых и сребротканых одежд еще менее того поносить, потрепать» не имеет под собой никаких оснований и вытекает из чисто импрессионистических догадок и предвзятых априорных соображений. Что касается смысла глагола «потрепати», то Н. М. Дылевский говорит, что этот глагол означает «коснуться», «осязать», «потрогать» и отсюда делает следующий вывод: «... смысловое сближение „потрепати“ с „трепати“ — „осязать“, „трогать“ (и в последнем примере „гладить“, „ласкать“) нам представляется несравненно более обоснованным и логичным, нежели отождествление его с „трепать“ в современном смысле слова».

В последние годы Н. М. Дылевский опубликовал еще две статьи по «Слову о полку Игореве» — в 1955 г.¹⁹ и в 1958 г.²⁰ В первой статье автор рассматривает выражение «на Канину зелену наполому постла». Особый интерес представляют заметки относительно названия Канина в этом месте «Слова». Н. М. Дылевский считает, что это обозначение реки, подкрепляет свое мнение некоторыми важными параллелями из балканской топонимики и заключает: «Предположение о позднем турецком происхождении названия Канина полностью исключается. По-видимому, это общеславянское слово, возникшее еще в эпоху славянской общности». Направление исследования, данное Н. М. Дылевским, кажется абсолютно правильным и очевидным, и его изыскания заслуживают продолжения вплоть до окончательного разрешения вопроса. По мнению Н. М. Дылевского, возможно, что Канина — название не только реки, но и местности: нивы, покоса или поля у реки Канина или недалеко от нее. «При таком толковании смысл всего выражения становится еще более ясным».

Вторая часть статьи Н. М. Дылевского посвящена толкованию фразы: «Инъгварь и Всеволодь, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилици». Здесь особенно загадочно употребление эпитета «шестокрилици». Н. М. Дылевский полагает, что прежде всего необходимо считаться с употреблением этого эпитета в отношении серафимов и херувимов. При исследовании очень важно привлечь параллели из народной поэзии болгар и сербов, где встречается это слово. Так, он обращает внимание на то обстоятельство, что один из южнославянских феодальных князей первой половины XIV в., Хрельо, носит в народной поэзии прозвище «Рельо Шестокрили», или «Крилатина», «Крилатица». Этот эпитет, заимствованный, может быть, из церковного языка, в народной поэзии болгар и сербов несомненно имеет значение «быстрый», «подвижный». Основываясь на обильных примерах, Н. М. Дылевский пришел к выводу, что в народной поэзии южных славян эпитеты типа «шестокрилец», «шестокрили», «шестороги», «од шес крилах», «крилати» широко распространены. Исходя из приведенных примеров, добавляет он, мы склонны видеть в «шестокрилице» «Слова» эпико-героический образ, имеющий общие корни с эпитетами в южнославянской народной поэзии, но с более или менее различ-

¹⁸ Н. Дилевски. «Ратаевъ кикахуть» и «а злата и сребра ни мало того потрепати» в «Слове о полку Игореве». — *Годишник на Софийския университет, ист.-филолог. факултет*, XLII, 1946, 19 стр.

¹⁹ Н. Дилевски. Бележки върху «Слово о полку Игореве». — ИИБЛ, III, 1955, стр. 97—112.

²⁰ Н. М. Дилевски. Бележки върху «Слово о полку Игореве». — ИИБЛ, VI, 1958, стр. 101—121.

ным семантическим содержанием. К сожалению, по собственному признанию автора, он не может дать окончательный ответ на вопрос, как возник этот поэтический образ в народных песнях южных славян. При этом автор высказывает сомнения в правильности мнения Ф. Е. Корша, что эпитет может быть связан с греческим словом *ἔξαπτερυγος* или *ξεφτέρι* как названием сокола или ястреба.²¹ Полагаем, что это предположение Ф. Е. Корша заслуживает большего внимания, чем было ему уделено Н. М. Дылевским. Несомненно, что употребление *ξεφτέρι* в смысле «сокол»²² является символом «быстрого» и именно так и мог быть назван Хрельо, эпический герой южных славян.

Если, как говорит Н. М. Дылевский, под эпитетом «шестокрилы» или «шестокрилец» в южнославянской эпической поэзии следует искать «легендарные качества», то несомненно, что быстрота и ловкость — качества, принадлежащие известной исторической личности средневековья. Не следует, однако, пренебрегать и влиянием библейско-христианского образа серафима и херувима, отражавшегося очень часто в церковной живописи.

В последней части своей статьи Н. М. Дылевский дал интересную параллель между текстом «Слова о полку Игореве» и средневековой анонимной болгарской хроникой первой четверти XV в. (последняя опубликована мною: Из старата българска книжнина, II. София, 1944, 265 стр.). Параллели относятся к описанию начала второй битвы, данной в «Слове».

Вторая упомянутая статья Н. Дылевского посвящена толкованию выражения «стязи глаголють» в «Слове о полку Игореве». Используя богатую литературу, автор формулирует некоторые интересные выводы. Прежде всего, по его мнению, слово «стяг — стязи» необходимо понимать в его прямом значении — «знамя», а не в смысле «знаменосец». Выражение же все целиком требует, кроме того, толкования в смысле «знамена говорят, развеваемые бурей», что представляется закономерным явлением, поскольку оно предопределяется остальными моментами этой насыщенной трагизмом картины. Вместе с тем Н. М. Дылевский принимает интересное мнение Д. С. Лихачева, что здесь идет речь не о русских отрядах, а отрядах нападающих половцев. Итак, заключает Н. М. Дылевский, развевающиеся от ветра многочисленные знамена наступающих половецких орд взвещают русским о своем приближении. «Но в таком случае, — пишет Н. М. Дылевский, — знамена уже не „молвят“, не „говорят“, так как расстояние велико и русские не могут слышать, а сообщают своим видом». Вообще, по словам Н. М. Дылевского, выражение «стязи глаголють» нужно рассматривать только как метафору, как образ, органически спаянный с предшествующим текстом, объединенный с ним по содержанию и по форме.

Как известно, одним из сыновей болгарского царя Симеона (893—927) был Боян, о котором западный писатель X в. епископ Кременский Лиутпранд сообщает, что он занимался так называемой имитативной магией. Эти сведения итальянского автора, современника, разумеется, давно привлекли любознательность ученых. Некоторые ученые высказали в связи с этим предположение, что Бояна, в сущности, следовало бы отождествить с легендарным певцом русского «Слова о полку Игореве». Такое отождествление предложил еще в первой половине прошлого века Ю. И. Ве-

²¹ См.: Ф. Е. Корш. «Слово о полку Игореве». Исследования по русскому языку, II, в. 6. М., 1909, стр. LXII.

²² Интересный пример употребления слова в этом значении дан в книге: С. Giannelli. Un lexique macédonien du XVI-e siècle. Paris, 1958, стр. 25.

нелин (Критические исследования об истории болгар, М., 1849, 263 стр.). Под влиянием, очевидно, Ю. Венелина представитель болгарского Возрождения Г. С. Раковский (Неколико речи о Асеню първому, великому царю болгарскому, и сыну му Асеню второму. Белград, 1860, стр. 68 сл.) также готов был признать тождественность обеих личностей. Более того, для доказательства своего предположения Раковский опубликовал одну народную песню — без сомнения подложную, — в которой упоминается о Бояне. Позже некоторые болгарские ученые также восприняли предположение о тождественности Бояна, сына Симеона, и певца из «Слова о полку Игореве» (А. Теодоров-Балан. Сенки, III. Първи стихотворци. — Български преглед, I, 11—12, 1894, стр. 248 и сл.; В. Пундев. Боян магьосникът. София, 1923, 32 стр.). Изучению этого вопроса посвящена моя небольшая статья.²³ Сведения о занятиях магией болгарского князя Бояна, по-моему, нужно связать с тем, что мы знаем о распространении занятий магией среди византийцев, а эти сведения чрезвычайно многочисленны и знаменательны. Что касается отождествления князя Бояна с мифическим русским певцом, его нужно решительно отвергнуть. Тождественность имен ни в коем случае не доказывает тождественность обеих личностей. Против этого отождествления говорят, во-первых, хронологические несоответствия. Болгарский князь Боян жил, как известно, в первой половине X в., в то время как русский певец Боян упоминается в памятнике, относящемся к концу XII в.

С другой стороны, о болгарском князе известно только то, что он занимался магией, а то, что он был поэтом, — лишь очень смелое предположение новых исследователей. Очень трудно допустить, чтобы сведения о болгарском поэте Бояне первой половины X в. могли попасть в древнерусский памятник, тогда как в болгарских исторических документах о нем нет никакого следа. Короче говоря, необходимо считать, что это две совершенно различные личности. Певец в «Слове о полку Игореве» принадлежал всецело к русскому прошлому, как ни соблазнительна мысль приписать его качества болгарскому князю Бояну, о котором мы знаем очень мало.

Б. Ст. Ангелов в последние годы написал несколько статей по вопросам, связанным с изучением «Слова о полку Игореве». В одной своей статье он затронул вопрос о некоторых южнославянских параллелях к отдельным местам «Слова о полку Игореве».²⁴ Так, он приводит параллели из сербского похвального слова князю Лазарю, погибшему 15 VI 1389 в битве на Косово против турок. В одной из редакций этого слова (опубликована И. Руварцем в «Летопис Матице, српске», СХVII, 1875, стр. 112) имеются строки, которые очень сильно напоминают призывы князя Игоря к борьбе против половцев. Другую параллель Б. Ангелов находит в жизнеописании сербского деспота Стефана Лазаревича, составленном Константином Костенческим (Гласник, XLII, 1875, стр. 275), а также в некоторых сербских летописях (например, в так называемой «Студенички летопис»: Л. Стојанович. Стари српски родослови и летописи. Ср. Карловци, 1927, стр. 93; в списке Вукмановича, Ст. Новаковича). По Б. Ангелову, эти параллели не содержат никакого прямого литературного влияния, но говорят об общих книжных формах, получивших распространение среди русских и южных славян, и, с другой

²³ См. Ив. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. — Сб. БАН XLI, 1, 1945, стр. 8—19; II. Боян Магесник. Към въпроса за лъжливите науки у нас и във Византия през средновековието.

²⁴ Б. Ст. Ангелов. Старославянски текстове. — ИИБЛ, III, 1955 стр. 178—182.

стороны, представляют собой «важный аргумент для подтверждения старинного происхождения „Слова“».

Особый интерес представляет статья Б. Ангелова, содержащая заметки о тексте «Слова о полку Игореве».²⁵ В ней автор задался целью дать толкования некоторых неясных и спорных терминов в тексте древнерусского литературного памятника и привел некоторые параллели из старославянских текстов и произведений народного творчества. Он обращает внимание на цитаты, данные Н. М. Карамзиным из «Слова о полку Игореве» и из некоторых других сочинений: «Синагрип, цар Адоров», «Деяния прежних времен храбрых человек», т. е. «Девгениево деяние», затем «Сказание об Индии богатий», — которые были в погибшем сборнике. Как пишет Б. Ангелов, поставленное в естественную историко-литературную, языковую, стилистическую и поэтическую среду, «Слово о полку Игореве» совсем не звучит как литературный диссонанс — вымысел неизвестного фальсификатора конца XVIII в., а предстает перед нами как великое произведение русской литературы, крепко связанное как с древнерусскими произведениями, так и с произведениями древней южнославянской литературы. Как мы видим, болгарские исследователи «Слова о полку Игореве» сочли важным привести свидетельства подлинности этого литературного произведения.

Далее, Б. Ангелов исследует имя Канина. Он приводит примеры из топонимики и ономастики болгарских земель и некоторые языковые свидетельства болгарского языка.

Несколько страниц посвящены толкованию имени Трояна. По мнению Ангелова, ошибочно было бы считать, что это имя проникло на Русь с юга, а именно из болгарских земель. Напротив, имя Троян могло проникнуть значительно легче и удобнее из румынских земель, населенных славянами.²⁶ Однако очень важно указание автора об употреблении выражения «снежни трояни». Кроме того, Б. Ангелов отмечает некоторые случаи употребления имени Троян. Так, автор ставит вопрос: «Можно ли полагать, что Троян — божество, олицетворяющее природные силы: ветры, бури, холод?».

Далее, Б. Ангелов разбирает слово «Хинова». Указывая наличие слов «хина» и «хинове» в старинных болгарских текстах, он приходит к выводу, что «хинови», «Хинова», «хиновские» — старинные русские слова.

В связи со словом «полозие» («полозие ползша только») Б. Ангелов напоминает, что русское слово «полоз» или «полозие» соответствует болгарскому «плаз», «смок, голяма змия, стрелец».

Относительно имени Шарукан Б. Ангелов говорит, что у Константина Костенческого (Животопис Стефана Лазаревича. — Гласник српског уч. др., XLII, 1875, стр. 278) встречается имя Шарух, а в поучении Владимира Мономаха — форма «Шарухан», «шаруканя». Однако к этому необходимо добавить, что византийским памятникам хорошо известно или *Σαρχάνης*, или *Saruchan*. — имя удельного турецкого властителя из династии *Saruchan Ogullari* (1300—1345).²⁷ Форма «Шарукан», очевидно,

²⁵ Б. Ст. Ангелов. Бележки върху «Слово о полку Игореве». — ИИБЛ. V, 1957, стр. 455—474.

²⁶ В приведенном отрывке из статьи А. И. Яуимирского «Тропа Трояна в „Слове о полку Игореве“» и попытке румынского ученого объяснить это выражение («Древности», III, 1902, стр. 121 сл.) несомненно допущена ошибка: упомянутый «Троянов път» находится не по ту сторону Дуная, а в болгарских землях и с большей уверенностью отождествляется с известным Троянским проходом на Балканском хребте.

²⁷ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen, стр. 269—270.

представляет собой свободное написание турецкого имени Sarıxān. Именно византийские параллели этого имени могут служить хорошим доказательством его правильности в тексте «Слова».

К известным параллелям слова «зегзици» в «Слове» Б. Ангелов прибавил еще два примера, в которых слово употреблено в значении «кукушка».

Как известно, одним из загадочных мест в древнерусском литературном памятнике является выражение «время Бусово», которое комментаторы «Слова» (Д. С. Лихачев, а вслед за ним Н. М. Дылевский) связывают с именем антского князя Боза (последние десятилетия IV в.; см.: Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 430—431). Б. Ангелов поставил вопрос: правильна ли та мысль, что выражения «время Бусово» и «бусови врани» имеют одинаковое происхождение? Однако вопрос остается открытым и ждет своего разрешения.

В конце статьи Б. Ангелова даны некоторые текстуральные параллели к «Слову» из «Слова Даниила Заточника», из «Чудес св. Дмитрия Солунского», составленных Иоанном Ставракием (XIII в.), и из одной сербской народной песни.

3. В области изучения других эпох и других памятников древнерусской литературы болгарские исследователи сделали немного. Так, например, Б. Ангелов опубликовал два кратких текста из древнерусской церковной литературы.²⁸ На основе рукописи № 17-а, XIV в. (принадлежащей Архивному институту Болгарской Академии наук) он напечатал проложное житие киевской княгини Ольги с разночтениями по списку так называемого Станиславова пролога (Лесновского пролога) 1330 г., согласно изданию В. Ламанского (О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене. СПб., 1864, стр. 113). Из сопоставления видно, что между двумя списками нет существенных различий. По Б. Ангелову, текст рукописи Болгарской Академии наук представляет собой список русского пролога, о чем свидетельствуют некоторые русизмы в языке. На основе рукописи № 3153 (Архивный институт Болгарской Академии наук, Пролог XIII—XIV вв., среднеболгарская редакция) Б. Ангелов издал проложное житие князя Мстислава, к тексту которого прибавил разночтения по списку Хлудовского пролога № 189 (сербская редакция), изданному А. Поповым (Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 378).

Богатый материал и обильные библиографические указания о болгаро-русских литературных связях в эпоху турецкого ига в Болгарии даны в другой статье Б. Ангелова.²⁹ Ангелов обращает внимание на то, что и в самые тяжелые годы рабства в Болгарии распространялись различные сведения о России и о русском народе. Согласно сказанному, общие связи выражаются в нескольких формах: «проникновение сведений о России, проникновение русских оригинальных и переводных сочинений, влияния в области языка, проникновение русской печатной книги». В подкрепление своих выводов Б. Ангелов указывает на сведения о России и о русской культуре в сочинениях болгарских писателей первых веков турецкого ига: рассказ (по Иоанну Зонаре) Владислава Грамматика о крещении русских, заметка Дмитрия Кратовского о России, рассуждения Константина Костенечского о русском языке и его преимуществах, влияние русского языка в писаниях Матвея Грамматика (XVI в.), списки русских литературных памятников в болгарских рукописях и т. д.

²⁸ Б. Ст. Ангелов. Из славянските ръкописи на БАН. — Известия на Архивния институт, I, 1957, стр. 292—297.

²⁹ Б. Ангелов. Из историята на руското културно влияние в България (XV—XVIII в.) — ИИБИ, VI, 1956, стр. 291—325.

Б. Ангелов обращает особое внимание на сведения в болгарских рукописях о русских святых, затем на многочисленные известия о перенесении в Болгарию русских печатных произведений и переписке текстов из них и пр. Приведенное им (стр. 313) пожелание Русской земле «растеть и младаеть и възвишаете и распространяется, еиже, Христе милостиви, даждь расти и младети и разширати се и до скончания века» очень близко напоминает место из среднеболгарского перевода Хроники Манассии.³⁰

Наряду с другими ценными сведениями, собранными в содержательной статье Б. Ангелова, особого упоминания заслуживают сведения о распространении русской повести о взятии Царьграда турками в 1453 г., которую он нашел в семи южнославянских списках XVI—XVIII вв. Рассказ под заглавием «О създании Цариграда въ Византии», данный по рукописи XVII в., очевидно, не является оригинальным произведением, как это склонен думать Б. Ангелов, а имеет несомненно переводный характер. Наконец, необходимо отметить и то, что, по мнению Б. Ангелова, местами, откуда шло русское влияние в то время, были Афон, Царьград и Подунавы.

На недавно найденной при раскопках в Новгороде берестяной грамоте читаем: «д. вацн солоду» (см.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М.—Л., 1953, стр. 15). В. К. Чичагов (Вопросы языкознания, 1954, кн. 3, стр. 82—83) предложил читать слово «каци» вместо непонятого «вацн». Вопреки этой поправке первоначальное чтение повторяется еще два раза (А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М.—Л., 1955, стр. 16—20; Известия АН СССР, XVI, 1, 1956, стр. 210). В свою очередь, не зная статьи В. К. Чичагова, к такому же выводу пришел и Н. М. Дылевский.³¹

Недавно советский ученый Н. А. Мещерский обратил внимание на древнерусский перевод «Рыдания» — произведения поздневизантийского писателя Иоанна Евгеника по поводу овладения византийской столицей турками в мае 1435 г.³² Дополнением к этой интересной статье является небольшая статья Ив. Дуйчева.³³ Подчеркивается тот факт, что кроме списка греческого оригинала «Рыдания», сохранившегося в использованной Порфирием Успенским греческой рукописи из Иверского монастыря на Афоне (а именно: cod. Athon. 4508/388, f. 777'), известны еще два других списка греческого текста. На основе одной греческой рукописи, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке (а именно: cod. Parisin. suppl. gr. 678, ff. 115—119), текст был издан еще очень давно известным греческим византологом Спиридоном Лампросом в греческом журнале: Νέος Ἑλληνομνημόνιον (V, 2—3. 1908, стр. 219—226). О содержании другого греческого списка, хранившегося в монастыре Метеора в северной

³⁰ См. издание: J. Bogdan. Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgara făcută pe la 1350. București, 1922, стр. 99—100: «и сиа убо приключишу ся старому Риму, наш же новый Цариград донт и растить, крепит ся и омлаждает ся. Буди же ему и до конца расти, еи царю въсеми царствууи»; см. также: А. С. Орлов, Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., 1945, стр. 203; Ив. Дуйчев, Byzantinoslavica, XVII, 1956, стр. 317, прим. 254.

³¹ См.: Н. Дилевски. Д. Вацн солоду в новгородската «берестова» грамота № 1 от гледище на български език. — БЗ, VI, 3, 1956, стр. 263—266.

³² Н. А. Мещерский. «Рыдание» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод. — Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 72—86.

³³ Ив. Дуйчев. О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгеника. — Византийский временник, XII, М., 1957, стр. 198—202. — О творчестве Иоанна Евгеника см. также: Byzantinische Zeitschrift, LI, 1958, стр. 197.

Греции, сообщил греческий ученый Никос А. Веис (Византийский временник, XX, 1913, стр. 319—329), который издал отрывки из текста. Список Иверской рукописи неудовлетворителен. Сопоставление греческого оригинала и древнерусского перевода, судя по сохранившимся и уже опубликованным спискам, дает возможность, с одной стороны, проверить перевод, а с другой — дополнить греческий оригинал, который дошел до нас в плохом состоянии. Когда будет осуществлено полное издание памятника, — что было бы желательно, — необходимо обратить внимание на все существующие рукописные материалы, т. е. использовать греческие списки текста и известные древнерусские списки перевода.

В обширной статье, посвященной литературным отголоскам турецкого завоевания балканских земель и завоевания Царьграда турками в мае 1453 г.,³⁴ я собрал и проанализировал славянские свидетельства о событиях XIV—XV вв. Среди славянских отзвуков значительное место занимают упоминания об этих исторических фактах в русской литературе того времени.³⁵ В статье рассматриваются древнерусский перевод «Рыданий» Иоанна Евгеника о падении Царьграда, повесть о взятии византийской столицы, составленная Нестором-Искендером, древнерусский перевод Откровения Мефодия Патарского, упоминания в различных древнерусских хрониках, а также и другие сведения из доступных мне русских литературных памятников XIV—XV вв. Ценные свидетельства русских источников ясно показывают, какой глубокий и живой отклик получили в русском обществе XIV—XV вв. события, связанные с турецким завоеванием Балканского полуострова и падением византийской столицы. Эти свидетельства служат в то же самое время красноречивым доказательством единства сознания восточных и южных славян.

Недавно были опубликованы две работы, о которых следует сказать особо. Это прежде всего ценная статья известного исследователя древнеболгарской и древнеславянской литературы покойного Йордана Иванова (умер в 1947 г.) о киевском митрополите Киприане (1375—1406).³⁶ Рассматривая вопрос о болгарском происхождении митрополита Киприана, И. Иванов специально исследует его литературную деятельность и дает сведения о его известных рукописях. Особенно ценны приведенные в статье извлечения из рукописей. Эта статья содержит богатый и свежий материал; она написана с хорошим знанием древней литературы, со знанием жизни и деятельности митрополита Киприана.

Продолжая исследование и публикацию новых славянских памятников письменности, Б. Ангелов издал один интересный текст, связанный с русским прошлым.³⁷ На основе так называемого Поп-Пунчова сборника 1796 г., хранившегося в Государственной библиотеке «Васил Коларов» в Софии (№ 693/95, лл. 363'—372'), Б. Ангелов издал болгарский рассказ

³⁴ Iv. Duǰev. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine. — Byzantinoslavica, XIV, 1953, стр. 14—54; XVI, 1955, стр. 318—329; XVII, 1956, стр. 276—340; ср.: F. D(ö)lger, Byzantinische Zeitschrift, XLIX, 1956, стр. 497: «das erstaunlich reiche Belegmaterial... für den Widerhall den das Vordringen der Osmanen auf den europäischen Kontinent und die Einnahme Konstantinoples in der altrussischen, polnischen und tschechischen Literatur hervorgerufen hat».

³⁵ Iv. Duǰev, Byzantinoslavica, XVII, 1954, стр. 280—319.

³⁶ Йорд. Иванов. Българското книжно влияние в Русия при митрополит Киприан (1375—1406). — ИИБЛ, VI, 1958, стр. 25—79. — Статья найдена среди бумаг покойного ученого и опубликована в том виде, в котором он ее оставил. Очевидно, что необходимо было сделать некоторые добавления и указания на более новую литературу.

³⁷ Б. Ст. Ангелов. Стари славянски текстове. — ИИБЛ, VI, 1958, стр. 251—276.

о крещении русских. Памятник представляет интерес как исторический документ и как литературное произведение. К сожалению, некоторые подробности еще необходимо истолковать, очевидно, общими усилиями болгарских и русских ученых. Любопытно, кроме того, сведения, собранные Б. Ангеловым, о некоторых южнославянских списках русского сказания о Куликовской битве. К сожалению, эти списки до сих пор не изданы, и Б. Ангелов справедливо настаивает на их опубликовании. «Сказание о Куликовской битве — важное произведение древнерусской литературы, прославляющее мощь русского оружия, называемое Москву объединительным центром восходящей Руси, — пишет Б. Ангелов, — распространилось среди южных славян и бесспорно оказало свое благотворное воздействие в создании славы России как освободительницы».

В заключение необходимо указать, что в связи с опубликованием древнерусских юридических памятников X—XII в.³⁸ следует обратить внимание на известные параллели со средневековыми болгарскими историческими источниками, которые облегчают толкование отдельных мест в тексте древнерусских памятников права.³⁹

Совсем недавно вышла из печати книга Б. Ст. Ангелова «Из старата българска, руска и сръбска литература» [София, 1958 (Институт за българска литература)]. В книге около тридцати текстов произведений древнеславянской литературы, часть которых ранее не публиковалась либо была издана неудовлетворительно или на основе других списков. Большинство текстов принадлежит древнеболгарской литературе, но некоторые относятся к древнерусской литературе или тесно с нею связаны. Для историка русской литературы интересен опубликованный текст рукописи Рыльского монастыря о набегах сарацин на Царьград. Далее, на основе рукописи Софийской государственной библиотеки (№ 309, или 68) с разночтениями рукописи, хранящейся в Пловдивской народной библиотеке (№ 101, или 36), автор публикует широко распространенное в русской литературе «Сказание о двадцати снах царя Шахаиши». В связи со «словом» Даниила Заточника следует отметить опубликованный Б. Ангеловым по болгарским рукописям текст под заглавием «Мысли о женах». По рукописи Хлудова сборника № 107, XVI в., Б. Ангелов издал текст жития киевского и всероссийского митрополита Петра, составленного митрополитом Киприаном. Этот памятник имеет выдающийся интерес для историков древнерусской литературы и для исследователей русско-болгарских литературных и культурных связей. Кроме того, автор помещает и несколько других текстов, связанных с древнерусской литературой: одно краткое житие митрополита Киприана (рукопись XVII в.), похвальное слово митрополиту Киприану, составленное Григорием Цамблаком, продолженное житие Ольги, хвалу князю Владимиру, Борису и Глебу, житие Феодосия Печерского (по списку XIII—XIV вв.), «слово» Феодосия Печерского против латинян (рукопись 1557 г., хранящаяся в Румынской Академии наук), молитвы Кирилла Туровского (по Софийской рукописи XVI—XVII вв.) и, наконец, два «слова» митрополита Илариона (рукопись XVI в. Румынской Академии наук).

Книга Б. Ангелова является ценным вкладом в изучение не только средневековой южнославянской литературы, но и древнерусской литературы.

Что же касается отдельных вопросов истории древней русской литературы или вопросов литературных связей между болгарами и русскими

³⁸ А. А. Змиин. Памятники права Киевского государства X—XII вв. М., 1952 (Памятники русского права, I).

³⁹ См.: Iv. Дуичев. *Byzantinoslavica*, XV, 1954, стр. 255—258.

в эпоху средневековья (преимущественно до конца XV в.), то в некоторых статьях и книгах они затронуты более или менее широко.⁴⁰

Перечисленные работы болгарских ученых свидетельствуют, насколько велик интерес в Болгарии к изучению древнерусской литературы. Можно надеяться, что опубликование древнерусских литературных памятников на основе болгарских и вообще южнославянских рукописей обогатит наши знания о богатой древнерусской литературе, а труды болгарских ученых приблизят решения того или другого вопроса в этой области.

⁴⁰ См., например: Д. Ангелов. Руси и българи в историята. София, 1945; Ив Снегаров. 1) Духовно-културни връзки между България и Русия пред средните векове (X—XV в.). София, 1950; 2) Културни и политически връзки между България и Русия XVI—XVIII в. София, 1953; Н. Дилевски. Рылский манастир и Россия в XVI—XVII век. София, 1946; Б. Ст. Ангелов. Из историята на руското книжно проникване у нас (XI—XIV в.). — ИИБЛ, III, 1955, стр. 37—65; Б. Ст. Ангелов. Материали за проникване на руската книга в България до XIV в. — Годишник на Българския библиографски институт. IV, 1956, стр. 113—126.